

Личности. Пяти казненных декабристов

Муравьев Александр Михайлович

- МУРАВЬЕВ Александр Михайлович (1802-53), декабрист, корнет. Член Северного общества. Брат Н. М. Муравьева. Осужден на 8 лет каторги. С 1827 в Нерчинских рудниках, с 1835 на поселении в Иркутской губ., Тобольске. Автор «Записок».

Муравьев Артамон Захарович

- МУРАВЬЕВ Артамон Захарович (1794-1846), декабрист, полковник. Участник Отечественной войны 1812 и заграничных походов. Член «Союза спасения», «Союза благоденствия» и Южного общества. Осужден на 20 лет каторги. С 1826 в Нерчинских рудниках, с 1839 на поселении в Иркутской губ.

Муравьев Александр Николаевич

- МУРАВЬЕВ Александр Николаевич (1792-1863), декабрист, полковник в отставке. Брат М. Н. и Н. Н. Муравьевых. Участник Отечественной войны 1812 и заграничных походов. Один из основателей «Союза спасения» и «Союза благоденствия». В 1826 сослан в Якутск. С 1828 на государственной службе. В 1856-61 нижегородский губернатор.

Муравьев-Апостол Матвей Иванович

- МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ Матвей Иванович (1793-1886), декабрист, подполковник в отставке. Брат И. И. и С. И. Муравьевых-Апостолов. Участник Отечественной войны 1812 и заграничных походов. Один из основателей «Союза спасения» и «Союза благоденствия», член Южного общества. Участник восстания Черниговского полка. Приговорен к 20 годам каторги. С 1826 на поселении в Вилюйске, Ялуторовске; с 1856 в Твери.

Муравьев-Апостол Ипполит Иванович

- МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ Ипполит Иванович (1806-26), декабрист, прапорщик. Брат С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов. Член Северного общества. Участник восстания Черниговского полка. Ранен в бою, застрелился.

Арбузов Антон Петрович

- АРБУЗОВ Антон Петрович (1797 или 1798-1843), российский политический деятель, декабрист, лейтенант. Член Северного общества. Участник восстания 14 декабря 1825. Приговорен к вечной каторге. С 1827 в Нерчинских рудниках, с 1839 на поселении в Енисейской губ.

Горбачевский Иван Иванович

- ГОРБАЧЕВСКИЙ Иван Иванович (1800-69), декабрист, подпоручик, член Общества соединенных славян. Осужден на вечную каторгу. С 1827 в Нерчинских рудниках, в 1839-56 на поселении в Петровском Заводе. Автор «Записок».

ЮШНЕВСКИЙ Алексей Петрович

- ЮШНЕВСКИЙ Алексей Петрович (1786-1844), декабрист, генерал-интендант 2-й армии. Член «Союза благоденствия», один из директоров Южного общества. Республиканец. Осужден на вечную каторгу. С 1827 в Нерчинских рудниках, с 1839 на поселении в Иркутской губ.

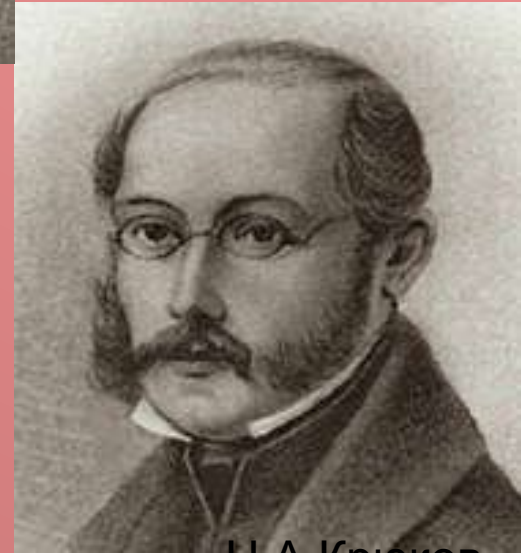

Братья Крюковы

- КРЮКОВЫ, братья, декабристы: Александр Александрович (1794-1867) и Николай Александрович (1800-54), поручики, члены Южного общества. Осуждены на 20 лет каторги. С 1827 в Нерчинских рудниках, с 1835 на поселении в Енисейской губернии (Александр Александрович до 1856).

А.А. Крюков

Н.А.Крюков

ВОЛЬФ Фердинанд Богданович

- ВОЛЬФ Фердинанд Богданович (1796 или 1797—1854), декабрист, штаб-лекарь. Член Южного общества. Осужден на 20 лет каторги. С 1827 в Нерчинских рудниках, с 1835 на поселении в Иркутской губ., Тобольске.

ДАВЫДОВ Василий Львович

Рисунок Н.Бестужева 1839г.

- ДАВЫДОВ Василий Львович (1793-1855), декабрист, полковник в отставке. Участник Отечественной войны 1812 и заграничных походов 1813-14. Член Южного общества, один из директоров Каменской управы. Осужден на вечную каторгу. С 1826 в Нерчинских рудниках, с 1839 на поселении в Красноярске.

Братья Поджио

А.В. Поджио

- ПОДЖИО, братья, декабристы:
- 1) Александр Викторович (1798-1873), отставной подполковник. Член Северного и Южного обществ. Осужден на 20 лет каторги. С 1827 в Нерчинских рудниках, в 1839-56 на поселении в Иркутской губ. В 1863 за границей сблизился с А. И. Герценом. Автор «Записок декабриста».
- 2) Иосиф Викторович (1792-1848), отставной штабс-капитан. Участник Отечественной войны и заграничных походов. Член Южного общества. Осужден на 12 лет каторги. С 1826 в каторжных тюрьмах, с 1834 на поселении в Иркутской губ.

Лунин Михаил Сергеев

- ЛУНИН Михаил Сергеевич (1787/88-1845), декабрист, подполковник. Участник Отечественной войны и заграничных походов. Один из учредителей «Союза спасения» и «Союза благоденствия», член Северного и Южного обществ. Осужден на 20 лет каторги. В 1836-40 написал ряд антимонархических сочинений и распространял их в рукописи. За обнаруженное при обыске сочинение «Взгляд на тайное общество в России (1816-1826)» в 1841 заключен в Акатуйскую тюрьму.

М.С.Лунин литография по арсеналу П.Соколова середина 19в.

Оболенский Евгений Петрович

- **ОБОЛЕНСКИЙ** Евгений Петрович (1796-1865), князь, декабрист, поручик, член «Союза спасения» и «Союза благоденствия». Один из основателей Северного общества, член его Верховной думы. Республиканец. Начальник штаба восстания 14 декабря 1825. Приговорен к вечной каторге. С 1826 в Нерчинских рудниках, с 1839 на поселении в Иркутской, Тобольской губ. Участник подготовки Крестьянской реформы 1861. Автор «Воспоминаний».

ПУЩИН Иван Иванович

- ПУЩИН Иван Иванович (1798-1859), декабрист, судья Московского надворного суда, друг А. С. Пушкина. Член «Союза благоденствия» и Северного общества. Участник восстания 14.12.1825. Осужден на вечную каторгу. С 1826 в Шлиссельбургской крепости, с 1828 в Нерчинских рудниках, в 1839-56 на поселении в Туринске, Ялуторовске. Автор «Записок о Пушкине».

Люблинский Юлиан Казимирович

- ЛЮБЛИНСКИЙ (наст. фамилия Мотошнович) Юлиан Казимирович (1798-1873), декабрист, помещик Волынской губ. Один из основателей Общества соединенных славян. Осужден на 3 года каторги. В 1829-56 на поселении в Иркутской губ.

Братья Борисовы.

- БОРИСОВЫ, декабристы, братья: Андрей Иванович (1798-1854), отставной подпоручик, и Петр Иванович (1800-54), подпоручик. Основатели и руководители Общества соединенных славян. Осуждены на вечную каторгу. С 1826 в Нерчинских рудниках, с 1839 на поселении в Иркутской губ.

П.И.Борисов

А.И.Борисов

Щепин-Ростовский Дмитрий Александрович

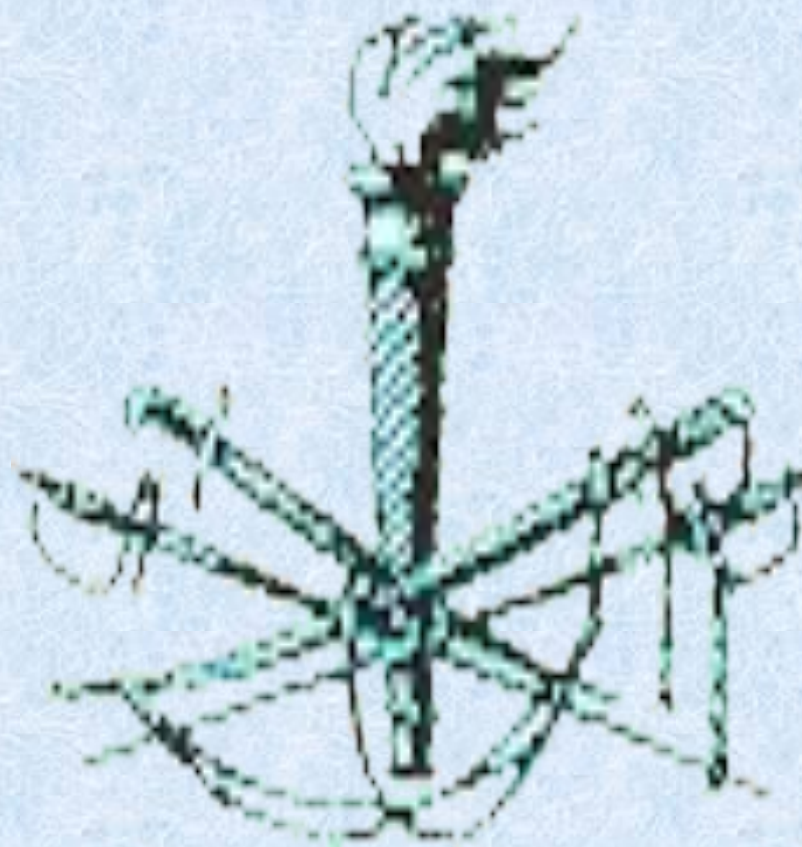
Д.И.Щепин-Ростовский Рисунок.

Предоставлено РГАДА

- **ЩЕПИН-РОСТОВСКИЙ** Дмитрий Александрович (1798 — 22 октября 1858, г. Шуя Владимирской губернии), декабрист, штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка. Членом тайных обществ не был, присутствовал на совещаниях декабристов накануне восстания 14 декабря 1825, принял активное участие в восстании на Сенатской площади. Осужден по I разряду к каторжным работам навечно, в августе 1826 срок сокращен до 20 лет, в ноябре 1832 — до 15 и в декабре 1835 — до 13 лет. Каторгу отбывал в Читинском остроге, затем Петровском заводе, по окончании ее срока поселен в с. Тасеевском Каннского округа Енисейской губернии, в 1842 получил разрешение переехать в г. Курган. После амнистии 1856 вернулся из Сибири, жил в с. Ивановке Ростовского уезда Ярославской губернии.

Сухинов Иван Иванович

- СУХИНОВ Иван Иванович (1794?-1828), декабрист, поручик. Участник Отечественной войны 1812 и заграничных походов. Член Южного общества. Участвовал в восстании Черниговского полка. Осужден на вечную каторгу. С 1826 в Нерчинских рудниках. Организатор Зерентуйского заговора, приговорен к расстрелу. Повесился.

Бестужев Александр Александрович

- **Бестужев, Александр Александрович, — выдающийся писатель, известный под псевдонимом Марлинского. Происходил из старинного дворянского рода; родился 23 октября 1797 г. в высококультурной и талантливой семье, давшей России нескольких замечательных деятелей. Недюжинный человек был его отец, Александр Феодосьевич (1761 — 1810), весьма образованный артиллерийский офицер, издававший в 1798 г. вместе с И.П. Пниным «С.-Петербургский журнал», занимавшийся различными науками и вопросами педагогики и написавший «Опыт военного воспитания» и «Правила военного воспитания»; в своих научных и художественных интересах А.Ф. Бестужев был настоящий энциклопедист и из своего дома создал «богатый музей в миниатюре»,**

- как выразился один из его сыновей. Свою энергию и любовь к знанию он передал детям, из которых два сына, декабристы Михаил и Николай, были такими же образованными, деятельными, разносторонне способными людьми, как отец; выдающейся натурой была их старшая сестра Елена, любящая и самоотверженная, добрый гений этой семьи. Педагог по призванию, А. Ф. усердно заботился о воспитании своих детей, из которых быстро выделился второй сын, «прилежный Саша», особенно восприимчивый, впечатлительный, жадный к чтению. Десяти лет он был отдан в горный корпус. В его дневнике, который он тогда завел, ярко определился будущий «Марлинский», — «с его складом ума и сердца, с его оригинальностью, саркастической речью, наблюдательным взором и пылким воображением», как говорит его брат, Михаил, читавший этот документ, впоследствии уничтоженный. Уже на школьной скамье Бестужев обращал на себя внимание пылкостью и честолюбием. Учился он вообще хорошо, но не любил точных наук и, не преодолев своего отвращения к ним, вышел из корпуса, не окончив курса. Под влиянием старшего брата, моряка Николая, он хотел поступить во флот, рисуя себе в заманчивых чертах жизнь моряка; но та же математика преградила ему дорогу к гардемаринскому экзамену, и ему пришлось начать службу юнкером в лейб-драгунском полку. «Самолюбие, желание отличия на каком бы то ни было поприще, — рассказывает его брат, — сделали из него славного солдата и еще более наездника». В 1818 г. он был произведен в офицеры. Служебные дела и серьезные литературные занятия чередовались в его жизни с легкомысленными любовными увлечениями и веселыми, подчас бесшабашными проказами. Он увлекся дочерью главноуправляющего путями сообщения Бетанкура, при котором он состоял одно время адъютантом, но важный сановник не согласился выдать свою дочь за небогатого молодого офицера; этот отказ тяжело подействовал на Бестужева. В 1823 г., состоя адъютантом при сменившем прежнего начальника герцоге Вюртембергском,

- Бестужев был штабс-капитаном гвардии, и перед ним открывалась блестящая служебная карьера, но дружеские связи и пламенный темперамент вовлекли его в заговор, разрешившийся 14 декабря 1825 г. открытым восстанием на Сенатской площади. Не играя особенно видной роли в заговоре, далеко не крайний в своих политических убеждениях, не шедших, в сущности, далее умеренного конституционализма и вполне согласовавшихся с тогдашним общим настроением, Бестужев, популярная фигура которого всем бросалась в глаза, погубил себя несколькими бестактными остротами и резкими выходками, за которые товарищи не раз называли его фанфароном. На суде он пал духом и «первый сделал важное открытие о тайном обществе», как указала в своем приговоре разбиравшая дело комиссия, признававшая, что он «умышлял на цареубийство и истребление императорской фамилии, возбуждал к тому других, соглашался также и на лишение свободы императорской фамилии, участвовал в умысле бунта привлечением товарищей и сочинением возмутительных стихов и песен, лично действовал в мятеже и возбуждал к оному нижних чинов». Откровенность, о которой он впоследствии жалел, смягчила его участь, и после полугодового сиденья в Петропавловской крепости и в одной из финляндских крепостей он был отправлен на поселение в Якутск, где прожил до июля 1829 г. Там, как видно из его писем к братьям Николаю и Михаилу, находившимся в Читинском остроге, и к Петру и Павлу, которых общий жребий, постигший семью, загнал на Кавказ, Бестужев по-прежнему был бодр и деятелен, много читал и работал, интересовался новым для него краем и всячески старался не опускаться. Он мечтал о возвращении в Россию, но понимал, что до забвения правительством прошлого еще очень далеко, и стал хлопотать о переводе на Кавказ. С радостью принял он весть о назначении его рядовым в кавказскую действующую армию. Паскевич определил его в 14-й егерский полк, и он сразу окунулся в ту обстановку войны и приключений, которой жаждал не только в Сибири, но везде и всегда. Хотя кавказскому начальству было предписано его «и за отличие не представлять к повышению, но доносить только, какое именно отличие им сделано»,

- надежда на дальнейшее улучшение судьбы у него была не совсем отнята; к тому же, вдали от подозрительного центрального правительства, местное начальство большей частью относилось к опальным мягко и не стесняло их надоедливым надзором и служебными придирками. Окружающих располагала к Бестужеву его литературная известность, в руках у него всегда были изрядные денежные средства, доставляемые пером, и, если не считать нескольких обычных и не для ссыльного служебных неприятностей, Бестужеву жилось лучше, чем многим его товарищам. Походная жизнь вполне удовлетворяла его жажду внешней деятельности, которой не могли утолить даже усердные занятия литературой; она дала ему возможность хорошо изучить Кавказ. В 1835 г. за ряд боевых отличий он был произведен в унтер-офицеры, а новые отличия через год доставили ему офицерский чин, который он «выстрадал и выбил штыком». Он уже подумывал об отставке, о переводе хотя бы в гражданскую службу, но эта надежда не сбылась. 7 июня 1837 г. Бестужев был убит в бою с черкесами на мысе Адлере. — В литературе и вообще в жизни Бестужев — один из немногих людей, не знавших разлада между течением внешних событий и внутренними переживаниями. Вот почему его личная история, богатая страданиями и переменами, не производит тяжелого впечатления. Его нельзя назвать жертвой; если судьба швыряла им по своему произволу, он не был в ее руках пассивной игрушкой и сам шел навстречу ее ударам, спокойно храня свою обычную жизнерадостность, отразившуюся с той же ясностью в его литературной деятельности. Она после нескольких слабых попыток началась (1819) весьма удачно. Бестужев быстро стал заметным участником целого ряда периодических изданий, близко сошелся с Пушкиным, Грибоедовым, Рылевым, Булгариным, Гречем, братьями Полевыми.

- В 1821 г. он издал книжку «Поездка в Ревель», помещал в журналах (преимущественно в «Соревнователе просвещения и благотворительности» и в «Сыне Отечества») стихи, критические статьи и рассказы, а в 1823 и 1824 годах вместе с Рылеевым издал знаменитый альманах «Полярная Звезда», открывший этого рода сборником двадцатилетний ход. «Полярная Звезда», в которой, кроме издателей, участвовали Пушкин, Баратынский, Воейков, Вяземский, Греч, Давыдов, Дельвиг, А. Измайлов, Крылов, Дмитриев, Жуковский, Сенковский, Глинка, имела небывалый успех и упрочила положение Бестужева в литературе и в литературных кругах. Суд и ссылка на время прервали его литературную деятельность, но, быстро оправившись, он продолжал ее и в течение десяти лет написал большую и лучшую часть своих произведений, сделавших его одним из самых популярных и любимых писателей того времени. Биограф Бестужева, Н.А. Котляревский, делит его главное, беллетристическое наследие на четыре группы: «Повести сентиментально-романтические по стилю и замыслу, в большинстве случаев исторические, сюжет которых взят либо из далекого прошлого, либо из более близких времен; повести или очерки с сильным преобладанием этнографического элемента, — рассказы из сибирской или кавказской жизни, частью вымышленные, частью написанные с натуры; повести бытовые из современной жизни или очень близкой к современности; автобиографические рассказы с очень интимными страницами, своего рода дневники или листки из записной книги автора». В первых своих рассказах, с историческим, quasi-историческим и фантастическим содержанием, Бестужев выказал себя сентименталистом и романтиком. Они отличаются богатством фабулы, разнообразием старательно выписанных подробностей, патриотическим одушевлением и благомыслящим морализмом.

- Здесь он был еще далек от действительности («Гедеон», «Изменник», «Наезды», «Роман и Ольга», «Ревельский турнир», «Замок Нейгаузен», «Замок Эйзен»), но значительно приблизился к ней, когда настали для него годы творческой зрелости, ускоренные обрушившейся на него катастрофой. Бестужев один из первых в русской литературе стал описывать русскую природу, русское общество, жизнь обыкновенных русских людей. Он не растерял впечатлений, которые дали ему Сибирь и Кавказ, и на фоне роскошной, угрюмой или величавой природы рисовал человека с бурной, энергичной душой, который на долгие годы, до торжества натурализма, царил в русской прозе. С конца двадцатых до конца тридцатых годов в журналах появились «Военный антикварий», «Испытание», «Вечер на кавказских водах», «Лейтенант Белозор», «Аммалат-бек», «Красное покрывало», «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев», «Мулла-Нур»; последние четыре посвящены кавказской жизни. Его особенно привлекал военный и гражданский героизм, который он рисовал в повестях «Мулла-Нур» и «Аммалат-бек». В них много неестественности и аффектации, объясняемых отчасти экзотизмом героев, но много верности местному бытовому колориту и много несомненной психологической правды, делающей их в сравнении с произведениями предыдущего периода значительным шагом вперед, к реализму. Еще большей творческой победой Бестужева были его наблюдения над окружавшими его русскими военными типами (в «Письмах из Дагестана», «Испытании», набросках к задуманному роману «Вадимов»), реальными картинами и фигурами военного быта. Бестужев первый открыл тот мир, где Лермонтов нашел впоследствии своего Максима Максимовича, Лев Толстой — Платона Каратаева и серых героев Севастополя и того же Кавказа; здесь наглядная действительность как бы сама удерживала необузданную фантазию

- Бестужева и оказала его творчеству самую дорогую услугу. Уже настоящим бытовиком-жанристом выказал себя Бестужев в тех повестях («Фрегат Надежда», «Поволжские разбойники»), где он сатирически изображал большой свет и жизнь дворянства, а также в тех, где он рисовал простой народ («Будочник-оратор», «Мореход Никитин»); в них он вывел ряд удачных типов и, хотя они впоследствии были лучше выяснены и осложнены крупными художниками-реалистами, за Бестужевым остается великая заслуга пролагателя пути. Новатор в русском искусстве, справедливо жаловавшийся, что «не может жить ни со стариной, ни с новизной и должен угадывать все-на-все», Бестужев с инстинктивной верностью угадал потребности эпохи и подготовил возможность блистательного расцвета в русской прозе и романтизма (Гоголь), и реализма (Пушкин, Гоголь, Лермонтов). Ясно сознавая ребяческий характер литературы своего времени, отсутствие в ней прочно установленных принципов, он говорил, что если «для Руси еще невозможны гении, то вот и разгадка моего успеха. Сознаю, что я считаю себя выше Загоскина и Булгарина, но и эта высь по плечу ребенку... Сегодня в моде Подолинский, завтра Марлинский, послезавтра какой-нибудь Небылинский, и вот почему меня мало радует ходьчество моя». А «ходьчество» Бестужева была выдающаяся. Каждая новая повесть «Пушкина в прозе», как называли Марлинского, вызывала сенсацию; он был самым читаемым автором своей эпохи, и соперничать с ним в популярности мог только Пушкин, который называл его русским Вальтер Скоттом и думал, что он в России будет «первый во всех значениях слова» (влияние Бестужева на Пушкина запечатлено в «Выстреле», «Дубровском»). Нравился он Грибоедову, Кюхельбекеру, Сенковскому; высокого мнения был о нем Н. Полевой. На общество Бестужев сильно влиял созданными им характерами, страстными, пылкими, не знающими меры ни в добре, ни в зле, эффектными ситуациями, в которые ставил он своих героев, игрою контрастов, резкой отчетливостью красок, среди которых преобладали белая и черная. Недаром его любимым автором был эффектно-причудливый Гюго, глава молодого французского романтизма; Бестужев писал о нем: «Перед Гюго я ниц, это уже не дар, а гений во весь рост». В героях Гюго он нашел прототипы своих бурнопламенных героев с их демонически-бешеными страстями, порывистыми движениями, театральными позами, вечной патетической приподнятостью, напыщенным языком.

- Они говорят, например: «все, о чем так любят болтать поэты, чем так легкомысленно играют женщины, в чем так стараются притворяться любовники, — как растопленная медь, над которой и самые пары, не находя истока, зажигаются пламенем... Пылкая и могучая страсть катится как лава; она увлекает и жжет все встречное; разрушаясь сама, разрушает в пепел препоны; и хоть на миг, но превращает в кипучий котел даже холодное море». «Огненная кровь текла в моих жилах», — говорит один; другой «готов источить кровь по капле и истерзать сердце в лоскутки»... Как ни ходульны эти страсти, как ни трескучи выражения, — в них сказалась душа писателя, который в чувства и речи своих героев вложил всю силу собственного патетизма. Он не только оправдывал свои психологические крайности и стилистические излишества, но дорожил их буйством и гордился своей писательской манерой: «Перо мое смычок самовольный, помело ведьмы, конь наездника... Бросаю повода и не оглядываюсь назад, не рассчитывая, что впереди. Знать не хочу, заметает ли ветер след мой, прям или узорен след мой. Перепрыгнул через ограду, переплыл за реку, хорошо; не удалось — тоже хорошо... Надоели мне битые указы ваших литературных теорий *chaussees*, ваши вековечные дороги из сосновых обрубков, ваши чугунные ленты и повешенные мосты, ваше катанье на деревянной лошадке или на разбитом коне... Бешеного, брыкливого коня сюда! Степи мне — бури! Легок я мечтами, — лечу в поднебесье; тяжел думами, — ныряю в глубь моря»... Для Бестужева в этих словах не только образный канон романтизма, но и прямой язык души (таков он и в своих письмах, вплоть до самых интимных), искренний и естественный по-своему, лишь у подражателей его обратившийся в тот смешной «марлинизм» (образец его в стихах дал Бенедиктов), на который напал, сам одно время бывший под влиянием Марлинского, Белинский, сокрушивший литературную славу Бестужева. Белинский восстал на «внешний» романтизм, «псевдо-романтизм» Бестужева; но при всей своей антипатии к Бестужеву великий критик не мог не признать, что он был «первый наш повествователь», «зачинщик русской повести». В самой приподнятости его авторской психологии и стиля С.А. Венгеров справедливо видит «протест против пошлости окружающей среды, подготовивший ту выработку презирующей житейскую действительность свободной личности, которая легла в основу новой русской общественной мысли». Не меньшее значение имел Бестужев как критик. «Ты достоин создать критику», писал ему (1825) Пушкин, всю жизнь мечтавший, когда-то явится в России «истинная критика». Сам Белинский говорил о Бестужеве: «Многие светлые мысли, часто обнаруживающие верное чувство изящного, и все это, высказанное живо, пламенно, увлекательно, оригинально и остроумно, — составляют неотъемлемую и важную его заслугу.

- Он был первый, сказавший в нашей литературе много нового... Марлинский не много действовал как критик, но много сделал, — его заслуги в этом отношении незабвенны... В критике он, при всей природной нелюбви к абстракции, при романтической ненависти к предвзятой теории, руководствовался непосредственным эстетическим чутьем. На критику Бестужев смотрел как на «краеугольный камень литературы». Понимая, что молодое общество, в котором «литературное имя можно подчас купить и завтраками», надо «водить под ручку», Бестужев, стоя с начала двадцатых годов на критической страже, «кричал как гусь капитолийский», не брезгая, как впоследствии и Белинский, и самыми ничтожными поводами: «кого бы и как бы ни разбирали, все-таки рано, поздно ли, это принесет пользу; в спорах критических образуется вкус, и правила языка принимают твердость». Элементарные воззрения его на критику быстро развились и усложнились, и уже в «Полярной Звезде» на 1823 г. появилась его большая и серьезная статья: «Взгляд на старую и новую словесность России». После множества отрывочных, по большей части, комплиментных отзывов о современных писателях, Бестужев пришел к заключению, что русская литература находится, несмотря на множество писателей, еще в младенческом состоянии, что доказывается бедностью прозы и преобладанием стиха — этой «детской гремушки»; причины этого явления он усматривал в территориальной огромности России, мешающей «сосредоточиванию мнений», т. е. возникновению центров образованности, а также в пренебрежении общества к родному языку, в писательской кружковщине. В следующем обзоре: «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 г.» («Полярная Звезда» за 1824 г.), Бестужев констатировал общий застой в литературе, наступивший, по его мнению, после периода войн (1812 — 1814), и недостаток творческих мыслей. Гораздо ценнее была его третья статья «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» («Полярная Звезда» за 1825 г.); в ней он прямо заявил, что «у нас нет литературы» (за ним это повторили Надеждин, Н. Полевой, Белинский), потому что нет воспитания, нет общественной жизни, где было бы поприще уму и характеру. Средства для борьбы с таким положением вещей Бестужев указал в напечатанной им в 1825 г. переводной статье о поэзии XIX в., где удостоверял, что в литературе уже проявилась склонность к реализму, удовлетворить которую может народность: «...нам нужно народное содержание».

- . У нас народ остается вне литературы... Будем же ровесники нашему времени, будем оригинальны и самобытны и совокупим воедино все точки зрения, вместим в себе все системы». В этой формуле видна попытка создать эклектическую связь между реализмом и романтизмом. Развивая несколько лет спустя («Московский Телеграф», 1833) свои мысли о последнем, Бестужев снова отнес к нему все самобытное, органически-народное, оригинальное; в этом определении, по которому, как заметил Белинский, все талантливые писатели — романтики, а романизм — ключ ко всякой мудрости, выразилась теоретическая слабость Бестужева, но сказалось и верное практическое чутье, влекшее его к художественной свободе и независимости от цепей предустановленного канона. Этого чутья, впрочем, было бы мало для более или менее правильного руководства шагами Бестужева как критика; но им придавали относительную твердость его общественные взгляды. Систематическое выражение их находим в письме к Николаю I, писанном в крепости. Царю Бестужев указал на то же явление, на которое указывал в критических статьях читающей публике, — что в России нет общественной жизни. В стране мало денег; крестьянство угнетено; буржуазии не дают развиваться: «Мещане, класс почтенный и значительный во всех других государствах, у нас ничтожен, беден, обременен повинностями, лишен средств к пропитанию». Войско эксплуатируют и просто грабят. Сельское духовенство, нищее и лишенное нравственного авторитета, не оказывает никакого доброго влияния на народ. Дворянство разоряется в праздности и сутяжничестве. В государственной службе неслыханно развиты протекция и капральство; в судах царит лихоимство. Эта мрачная картина, сама по себе не новая и в общих чертах сходящаяся с показаниями многих других членов тайного общества, показывает, как внимательно изучал окружающую жизнь блестящий гвардеец-писатель, как сильно было в нем гражданское чувство.

- Оно насквозь пропитало его критические опыты; им дышат его отзывы о Пушкине, которые мы должны принять с рядом оговорок, для Бестужева и тридцатых годов необязательных; но они ясно показывают, какие общественные требования предъявлялись Бестужевым писателю. Он был «готов схватить Пушкина за ворот, поднять его над толпой и сказать ему: «Стыдись! Тебе ли, как болонке, спать на солнышке перед окном, на пуховой подушке детского успеха? Тебе ли поклоняться золотому тельцу, которого зовут немцы «маммон», а мы, простачки, «свет»?»... «Скажите ему от меня, — писал он однажды Н. Полевому, — ты надежда Руси, не измени ей, не измени своему веку, не топи в луже таланта своего, не спи на лаврах»... Во всех его произведениях, особенно в критических статьях, чувствуется публицистическая жилка, и некоторые рецензии Бестужева дали министру С.С. Уварову благодарный материал для обвинительного акта против «Московского Телеграфа». Не только философской и исторической стороной своей критики, но и публицистической Бестужев уготовал путь критике Белинского. То повышенное чувство, которое вложил Бестужев в своих героев и в свой стиль, роднилось в нем с беззаветным оптимизмом; рядом с восторженностью и страстностью у него нет места пессимизму или пассивному квиетизму. Бестужев был убежден, «что если один народ коснеет в варварстве, если другой отброшен в невежество, зато десять других идут вперед по пути просвещения, и масса благоденствия растет с каждым днем; это льет бальзам в растерзанную душу честного человека, утешает гражданина, обиженного обществом». Поколение тридцатых и сороковых годов черпало в произведениях Бестужева нравственную бодрость и волю к жизни, с которыми ему легче было терпеть и бороться с жестокими общественными условиями.

- Сочинения Бестужева были изданы несколькими собраниями: «Русские повести и рассказы», 8 частей, 1832 — 1834 годы; 2-е издание, 8 частей, 1835 — 1839 годы; 3-е издание, 9 частей, 1838 — 1839 годы; «Полное собрание сочинений», IX — XII частей (продолжение 2-го издания повестей), 1838 — 1839 годы; полное издание 2-е (вообще 4-е), 12 частей, 1843 г. Биографические и библиографические сведения собраны у С.А. Венгерова («Критико-биографический словарь русских писателей и ученых», III т., 147 — 177, и «Источники словесности русских писателей», т. I). Лучший биографический очерк и полная оценка литературной деятельности Бестужева принадлежат Н.А. Котляревскому («Декабристы кн. А.И. Одоевский и А.А. Бестужев-Марлинский», СПб., 1907).

ВОЛКОНСКИЙ Сергей Григорьевич

- ВОЛКОНСКИЙ Сергей Григорьевич (1788-1865), декабрист, князь, генерал-майор. Участник Отечественной войны 1812 и заграничных походов. Член «Союза благоденствия» и Южного общества, один из директоров Каменской управы. Осужден на 20 лет каторги. С 1826 в Нерчинских рудниках, в 1835-56 на поселении в Иркутской губ. В 1861 за границей сблизился с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым.

С.И.Волконский
женой

ЯКУБОВИЧ Александр Иванович

- ЯКУБОВИЧ Александр Иванович (1792-1845), декабрист, капитан. Участник восстания 14 декабря 1825. Приговорен к 20 годам каторги. С 1826 в Нерчинских рудниках, с 1839 на поселении в Иркутской губ.

СОЛОВЬЕВ Вениамин Николаевич

- СОЛОВЬЕВ Вениамин Николаевич (1798-1871), барон, декабрист, штабс-капитан. Член Общества соединенных славян. Участник восстания Черниговского полка. Приговорен к вечной каторге. С 1827 в Нерчинских рудниках, в 1840-56 на поселении в Енисейской губ.

Бестужев Николай Александрович

«Сопка близь Читы
с могилы неизвестного
солдата»

«Главная улица в Чите»

- Бестужев Николай Александрович (1791-1855), капитан-лейтенант. Член Верховной думы Северного общества, республиканец. Приговорен к вечной каторге, с 1826 в Шлиссельбургской крепости, Нерчинских рудниках, с 1839 на поселении в Селенгинске. Акварелист-портретист. Историк российского флота, экономист, писатель.

Картины Н.А Бестужева

«Второй читинский острог в лунную ночь»

ИЗ РАССКАЗА Н. А. БЕСТУЖЕВА О РАССТРЕЛЕ ВОССТАВШИХ 14 ДЕКАБРЯ 1825 г. В ПЕТЕРБУРГЕ

- ... мы были окружены со всех сторон: бездействие поразило оцепенением умы; дух упал, ибо тот, кто на этом поприще раз остановился, уже побежден вполнину. Сверх того, пронзительный ветер леденил кровь в жилах солдат и офицеров, стоявших так долго на открытом месте. Атаки на нас и стрельба наша прекратились; «ура» солдат становилось реже и слабее. День сморкался. Вдруг мы увидели, что полки, стоявшие против нас, расступились на две стороны, и батарея артиллерии стала между ними с разверстыми зевами, тускло освещаемая серым мерцанием сумерек.
- Митрополит, посланный для нашего увещания, возвратился без успеха; Сухозанету, который, подъехав, показал нам артиллерию, громогласно прокричали подлеца — и это был последний порыв, последние усилия нашей независимости.
- Первая пушка грянула, картечь рассыпалась; одни пули ударили в мостовую и подняли рикошетами снег и пыль столбами, другие вырвали несколько рядов из фрунта, третьи с визгом пронеслись над головами и нашли своих жертв в народе, лепившемся между колонн сенатского дома и на крышах соседних домов. <...> С первого выстрела семь человек около меня упали: я не слышал ни одного вздоха, не заметил ни одного судорожного движения — столь жестоко поражала картечь на этом расстоянии. <...> Другой и третий повалили кучу солдат и черни, которая толпами собралась около нашего места. <...>
- С пятым или шестым выстрелом колонна дрогнула, и когда я оглянулся — между мною и бегущими была уже целая площадь и сотни скошенных картечью жертв свободы. <...>